

Арест с последующей отставкой

Отмена постановления о заключении под стражу Алии Галицкой может изменить порочную практику работы СК

11:05, 19 февраля 2026,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

Игорь Краснов. Фото: Софья Сандурская / ТАСС

Агентства ТАСС и «РИА Новости» и член СПЧ Ева Меркачева сообщили об отставке Истринского судьи Федора Григорьева, вынесшего 6 февраля постановление о заключении под стражу Алии Галицкой по обвинению в вымогательстве у ее бывшего мужа — финансиста Александра Галицкого — 150 млн долларов. О сложении своих полномочий заявила, по их данным, также председатель Истринского суда Ирина Путынец.

В изоляторе временного содержания Истры, откуда ее должны были доставить в СИЗО, Галицкая покончила с собой, оставив предсмертную записку, в которой обвинила в своей смерти бывшего мужа. 10 февраля Пресненский районный суд отказался снять арест с его имущества общей стоимостью 435 млн руб., наложенный по иску бывшей жены. А 18 февраля Мособлсуд отменил и решение о заключении Галицкой под стражу.

В сообщениях агентств указывается, что, «по сведениям источников», отставка судьи и председателя Истринского суда стали следствием вмешательства председателя Верховного суда Игоря Краснова, которого «возмутила» эта история. Читай:

пресс-служба Верховного суда сама передала в агентства эту информацию по указанию Краснова, который решил сделать из незаконного ареста Галицкой важный прецедент. И — браво!

Вопрос о неприменении «крайней» (так в УПК) меры пресечения в виде заключения под стражу по делам, не связанным с насильственными преступлениями, — давний и очень принципиальный. Под председательством Вячеслава Лебедева пленум Верховного суда не раз давал нижестоящим судам указания не злоупотреблять в таких случаях стражей, а чаще применять домашний арест или меры, не связанные с лишением свободы.

Алия Галицкая. Фото: соцсети

Результат таких разъяснений Верховного суда, по идее обязательных для нижестоящих судов, до сих пор был нулевым. СИЗО — слишком удобный, а подчас и единственный инструмент давления на обвиняемых для следствия и органов обвинения. Этот жестокий прием монтируется с созданием особых условий в СИЗО, а то и пытками и применяется для получения признательных показаний, в том числе самооговоров, в том числе и по делам, в которых есть коррупционная составляющая.

Громкие и скандальные бракоразводные процессы (уместно вспомнить хотя бы «дело Wildberries») — не единственные примеры того, как гражданские споры переводятся в плоскость рейдерских операций с использованием инструментария УК и УПК.

Для Игоря Краснова, бывшего следователя по особо важным делам, и бывшего зампреда СК РФ и генерального прокурора, такая теневая практика — все равно что открытая книга. Не исключено, что в уголовном деле, окончившемся самоубийством Алии Галицкой, тоже есть признаки «заказа», что и взбесило («по данным источников») председателя ВС.

Краснов, несомненно, понимает, как отразится на практике работы, в первую очередь, следственных органов, только что созданный им прецедент. Самоубийство ужасно, но, по крайней мере, не напрасно.